

Личные дневники и полковые журналы
боевых действий русской армии:
опыт источниковедческого анализа
по материалам 500-го Ингульского
пехотного полка 1915–1917 гг.

В статье проанализированы повествовательные документы по истории 500-го Ингульского полка, участвовавшего в наступательной операции Юго-Западного фронта летом 1916 г. Автор выявляет в собраниях Государственного исторического музея ранее не опубликованные источники, как официальные, так и личного происхождения, проводит их источниковедческий и сравнительный анализ. На данных материалах производится реконструкция истории фронтовой жизни и боевых действий полка.

Ключевые слова: Первая мировая война, дневники, журналы боевых действий, 500-й Ингульский полк.

В Отделе письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ) более чем за столетнюю историю существования накопилось значительное мемуарное, дневниковое и эпистолярное наследие солдат и офицеров участников мировых конфликтов XIX и XX вв. Особое место среди них занимают свидетельства участников Первой мировой войны, значительная часть которых так до сих пор и не введена в научный оборот.

Богат на источники личного происхождения фонд «Собрание документальных материалов периода буржуазно-демократической революции в России»¹. Он образовался в результате отдельных поступлений 1908–1960-х годов, а материалы, относящиеся к Первой мировой войне, главным образом, комплектовались Отделом текущей войны, который был образован в Историческом музее в 1915 г. и в начале 1920-х расформирован. В данном фонде хранятся документы, относящиеся к истории 500-го полка, которые

представляют большой интерес для изучения как военной истории, так и полевого быта Первой мировой войны².

500-й пехотный полк 125-й дивизии был сформирован 9 июля 1915 г. в Одессе на основе 461-го, 462-го Херсонских и 492-го Владимирской пеших ополченских дружин³. Приказом по Седьмой армии от 11 августа полку присваивается имя Ингульский⁴ по названию реки Ингул, левого притока Южного Буга. 125-я дивизия принимала участие в военных действиях на Юго-Западном фронте, попеременно находилась в составе 39-го и 25-го армейских и гвардейско-кавалерийского корпусов 7-й, 8-й, 11-й и Особой армий. Доукомплектовавшись, пройдя боевую и строевую подготовку в Одессе, полк 9 сентября 1915 г. был отправлен на фронт. Полк сменил на позициях части 105-й пехотной дивизии⁵. В мае–июле 1916 г. он принимал участие в знаменитом Брусиловском прорыве. До середины 1917 г. вел боевые действия и разведку в том же районе. В начале 1918 г. полк был расформирован одновременно с другими полками дивизии.

Комплекс, хранящийся в ОПИ ГИМ, был приобретен в 1958 г. у бывшего полкового писаря Ильи Даниловича Демченко. В его состав входят документы, датируемые 1917 г.: копии приказов по полку, протоколы заседаний полкового солдатского комитета, печатные материалы с приказами по Особой армии, уставом и резолюциями совета военных депутатов Особой армии, списки кандидатов в члены Учредительного собрания от избирательного округа Юго-западного фронта от разных партий, групп и организаций. Имеется россыпь документов, связанных с деятельностью полкового комитета и политической ситуации на фронте.

Ключевыми документами являются: личный дневник Ильи Даниловича Демченко и экземпляр журнала боевых действий полка с 1 октября 1915 г. по 1 января 1917 г. Журнал принадлежал и использовался непосредственно в Ингульском полку. Записи произведены разными почерками, так как заполнялись писарями, дежурившими посменно. Далее с него делался список обязательного экземпляра, который с другими текущими документами, в соответствии с приказом верховного главнокомандующего № 65 от 22 сентября 1914 г., направлялся в канцелярию штаба дивизии, оттуда передавался в «делопроизводство по сбору военно-исторических документов, состоящее при штабе армии»⁶. На данный момент вторые экземпляры находятся в Военно-историческом архиве и охватывают более широкий период, чем хранящиеся в ОПИ ГИМ, – с 9 июля 1915 г. по 30 апреля 1917 г.⁷

Биографические данные об И.Д. Демченко – авторе дневника – скудны, но изыскания продолжаются. Известно, что он родился

в 1892 г. в поселке Новоукраинка в семье служащего. Во время Первой мировой войны служил рядовым писарем 500-го Ингульского пехотного полка, в апреле 1917 г. произведен в унтер-офицеры. В этом же году вступает в большевистскую партию. После войны вернулся домой, где в начале 1919 г. становится военным комиссаром Новоукраинки. Весной был назначен комиссаром 17-го артиллерийского дивизиона и выполнял обязанности комиссара 6-й Украинской Советской дивизии, которая входила в 6-ю Красную армию. В июне 1919 г. в районе Полтавы принимал участие в боях с армией Деникина. Скончался в 1967 г. и похоронен на Новодевичьем кладбище. Брат Ильи Даниловича Иван был первым секретарем Новоукраинской комсомольской ячейки и был убит махновцами в 1919 г. В честь него названа одна из центральных улиц Новоукраинки.

Записи И.Д. Демченко вел на бланках офицерских полевых книжек. Будучи полковым писарем, имел возможность вести рукопись чернилами, что крайне редко встречается в личных дневниках участников Первой мировой войны. В своих записях он красочно описывает повседневность и собственное эмоционально-психическое состояние в период позиционной войны. Описывается фронтовой и прифронтовой быт, поездки в отпуски в родное село. Значительная часть текста отведена личным и любовным переживаниям, что придает живость повествованию. Хронологический охват: с 3 сентября 1915 г. по 20 февраля 1917 г. Листы содержат записи с конца мая по середину декабря 1916 г., т. е. сведения об активных боевых действиях в рамках наступательной операции Юго-Западного фронта автором по каким-то причинам удалены.

Рассмотрим некоторые сюжеты из данных рукописей.

3 сентября 1915 г. приказом по полку Илья Данилович прикомандирован из состава 6-й роты в нестроевую часть для письменных занятий⁸.

Первая запись в дневнике – 4 сентября 1915 г., за четыре дня до отправки полка из лагерей под Одессой на позиции. В первых строчках автор уже показывает свою апатию к происходящему: «Сидеть досадно, тяжело, и я часто по вечерам удираю в город хоть на час, чтобы хоть на миг вырваться от этой монотонной и надоевшей работы. Адьютант утром позлится и этим и оканчивается»⁹. Такое настроение сохраняется вплоть до конца дневниковых записей. Исключения составляют записи в дни перед отъездом в отпуск.

Далее рассказывается о пятидневном переходе (8–13 сентября) в прифронтовую полосу в город Староконстантинов, с упоминанием всех населенных пунктов. Нестроевое отделение, как видно,

догоняло сам полк, в отрыве от которого поиск пропитания и ночлега было нелегким делом: «Страшно утомились, и, в конце концов, пришли к какой-то деревне (кажется, Алешино), и остановились. Идти дальше – не знаем куда, да и ноги страшно болят. Посоветовались и решили остаться ночевать в этой деревне. А на утро пойдем искать деревню, где остановился полк наш. Зашли в один двор – постучали в окно. Вышел крестьянин и сказал, что у него негде переночевать. Вышла и его, как видно, жена и сказала, чтобы он отвел к какой-то женщине. Он водил-водил нас и, наконец, привел к хате и постучал в окно. На стук вышел крестьянин и сказал, что у него в хате размещены солдаты 499-го пехотного полка. Мы попросили хоть переночевать в сарае. Он повел нас в сарай, принес потом солому и мы начали укладываться. Адский холод. Ложимся один – возле другого, так будет теплее. Смеемся, а на душе, что творится Боже!»¹⁰

После расквартирования при штабе полка в Староконстантинове у Ильи Даниловича начинаются прифронтовые будни со своей монотонной работой и свойственными времени проблемами. 14 сентября в своем дневнике жалуется на дефицит звонкой монеты: «После обеда пошел в роту – за жалованием, но не получил, так как нет мелких денег. С этими мелкими деньгами прямо несчастье: имеем рубли и не можем купить копеечную вещь. Всюду не дают сдачи. Я прямо удивляюсь, куда это ушло наше серебро и медь»¹¹.

В конце сентября – начале октября 1915 г. полк переквартировывается под Ровно. В течение октября полковая канцелярия несколько раз меняет свое расположение, пока не останавливается в селе Цумань. В строках автор уже говорит о близости к позиции: «Бой, как видно, идет сильный, так как часто слышны орудийные залпы. Скоро, наверно, и мы там будем»¹². Хотя «вообще канцелярии далеко помещаются от позиций, но мы почему-то исключение»¹³. Почти ежедневно упоминает появление вражеской авиации, сравнивает ее с русскими аэропланами: «Пролетают часто аэропланы. Крестьяне говорят, что пролетал и неприятельский аэроплан. Мы смотрим, и действительно он не похож уже и тем, что почти не шумит, между тем, как наши аэропланы сильно шумят»¹⁴.

Трагическая история разворачивается вокруг товарища Ильи Демченко ефрейтора 6-й роты Александра (Шуры) Майковича. 8 октября в дневнике говорится, что Майкович ранен в руку. Командир батальона предполагает, что тот ранил себя сам, во что Илья Данилович не верит. 17 октября Майковича уже отдают под суд, 19 октября выносят смертный приговор, а 20-го числа казнят. Все это разворачивается на глазах у автора дневника, живо описывается судебное заседание. Буря негодования и переживаний

в дневниковых строках: «Наконец дверь отворилась. Офицеры зашли и Шуру повели. Мы все побежали к окну. Все судьи встали. Председатель начал читать приговор. Я, да и все как в лихорадке – дрожим. Прошло около 10 минут. Председатель медленно читает. Наклоняюсь ближе к окну. Слышу слова председателя: “Подсудимый признан виновным и приговорен к смертной казни через расстреляние”. Я как кем-либо толкаемый побежал в канцелярию. Не помню, как перебежал улицу и двор. Страшно, страшно»¹⁵.

В ноябре 1915 г. недоволен автор и продовольственным снабжением в своем полку: «...часто приходится и не кушать как следует. Купить, ведь, ничего тут нельзя, а на солдатском столе тяжело, хотя уже немного и привык. Да при том и не всегда доставляют во время и эти кушанья: вчера, например, и сегодня нам не дают хлеба. Хорошо, что было немного, а то пришлось бы голодать. ...Мяса вместо причитающихся полутра фунтов выдают, не больше полу фунта, ...хлеб нехороший. Пища тоже гораздо хуже против той, которую нам давали в дружинах. Прямо удивительно, почему это; ведь тут позиция, должны, по моему, лучше кормить, чем в мирных городах, а оно наоборот»¹⁶.

Периодически Демченко дежурит на линии фронта, где в блиндаже расположился командир полка с адъютантом. 11 ноября писарская команда перебралась непосредственно на линию фронта, где находилась до 23 ноября, пока на смену Ингульскому не пришел 498-й Оргеевский полк. В дневнике запечатлены разные моменты из жизни на позициях. Хотя писарей разместили в землянке, но уровень комфорта был даже выше, чем у строевых офицеров: «Удобств тех нет, что были там, но на позиции и это хорошо. Я, по крайней мере, не поменялся бы с каким-нибудь офицером, потому что ему приходится сидеть на холоде в окопах, а тут гарантирован, что холода не будет, и нет пуль»¹⁷. Но все-таки и пули долетали: «Был случай, что одного нашего солдата чуть не сразила одна из таких пуль. Он вышел на смену; в это время она ударила ему прямо в грудь, но благодаря бессилию остановилась, пробив только шинель и теплую рубаху. Счастливчик»¹⁸.

К декабрю месяцу уже становится понятно, что война затянется надолго. Боевые действия на фронте затихают: «Прямо и не похоже, что мы стоим вблизи фронта. Совсем мирная обстановка»¹⁹. Нескорое окончание войны все яснее осознавалось автором. С такими мыслями он встречает Новый год: «Дни идут за днями, а нового, чего-нибудь похожего на развязку этой проклятой жизни не видно. Завтра вот уже 1916 год. Что-то он нам даст. Наверно и этот год придется провести в круговороте войны. По всему видно, что война не только близится к концу, а наоборот только начина-

ется»²⁰. Записи за январь – март 1916 г. становятся отрывочными, фиксируется монотонность и бесцельность позиционной жизни. «Жизнь сносная: во-первых нет никакой опасности, а во-вторых пользуемся свободным временем. Днем работаем, зато ночью свобода и играем мы в карты...», – так кратко описываются будни.

На пасхальные праздники Демченко отбывает в отпуск, в его отсутствие на фронте начинаются братания. В журнале полка об этом ни слова, а вот Илья Данилович по возвращении 18 апреля фиксирует: «За братанье солдат разыскивают. С нашего полка человек 15 не стало. Загуляли там, и на радостях остались у австрийцев совсем»²¹.

Как говорилось ранее, дневниковые записи прерываются на 20 мае 1916 г. Но участие Ингульского полка в наступательной операции Юго-Западного фронта поддается реконструкции по данным полкового журнала.

26 мая полку было дано приказание взять местечко Рожище, расположенное на западном берегу реки Стыри, и выбить противника из окопов. В 17:00 того же дня началось наступление. В непосредственной связи с 500-м полком справа находилось 499-й полк, слева – части 102-й пехотной дивизии. При пулеметной поддержке была взята деревня Ольгановка. И выйдя на высоты юго-восточнее деревни Рудни, полк вошел в соприкосновение с противником. Начался затяжной бой. К 20:00 бой достиг своего апогея, русские войска начали нести серьезные потери. На помощь наступавшим из резерва были присланы две роты. Также последовала поддержка пехотной атаки двумя артиллерийскими батареями. Наступавшие части под ураганным огнем противника приблизились к вражеским окопам на расстояние 200 шагов, в этот момент по команде ротных командиров началась атака в обход флангов. Захват полком двух немецких пулеметных расчетов способствовал скорейшей развязке боя.

В 2 часа дня 27 мая артиллерия противника открыла по окопам, занимаемым полком, шквальный огонь. Наша артиллерия дала ответ. Перестрелка продолжалась до вечера. Командование 125-й пехотной дивизии приказало 500-му полку оказать содействие 5-му понтонному батальону в наведении моста через реку Стырь, к часу ночи 28 мая переправа была сооружена. Попытка батальона 3 роты провести атаку на местечко Рожище оказалась неудачной. В полковом журнале говорится: «Вследствие недостаточной артиллерийской подготовки, и выбытия из строя 2/3 личного состава батальона роты, около 4 часов возвратились на восточный берег реки Стыри»²². Но прибывшая поддержка и возобновление артиллерийского обстрела дали возможность днем 28 мая овладеть вра-

жескими окопами, растянувшимися вдоль всего местечка. К 29 мая некоторые роты продвинулась на несколько километров западнее, не встретив сопротивления противника.

Итоги данного боя были таковыми. Полностью разгромлен 57-й германский полк. Восточный берег реки Стыри и местечко Рожище на западном берегу полностью зачищены. Взято в плен 3000 германских и австрийских солдат, 28 германских и 7 австрийских офицеров, захвачено 12 пулеметов, две пулеметные повозки, также санитарные, аптечные повозки и две походных кухни, масса оружия и патронов.

В начале июня 1916 г. полк продвинулся на запад на 35 км без особого сопротивления. Но уже 4 июня принял бой в районе поселений Аполония и Владимировка, понеся большие потери в связи с преимуществом германцев и отступив к деревне Тристенъ. При поддержке трех сотен Оренбургских казаков, которые «быстро опрокинули противника, обратив его в бегство и изрубив около двух рот германцев»²³, полк успешно закрепился и окопался на линии деревень Кияж–Вичини. 5 и 6 июня продолжалась ружейная и артиллерийская перестрелка. На участке 500-го полка контратаковали 97-й, 137-й и 265-й германские полки, но безуспешно. «Поле сражения было усеяно трупами германцев, целые роты которых скашивались нашим пулеметным огнем»²⁴.

18–19 июня 48-й и 94-й австрийские полки провели мощное наступление на позиции Ингульского полка. Австрийцы заняли русские окопы, но ненадолго и в считанные часы были оттуда выбиты.

20 июня 500-й полк был сменен 499-м полком, частями 77-го полка и отошел в резерв в деревню Тихотин для пополнения. 7 июля Ингульский полк вернулся на позиции в сектор 78-го Навагинского полка у деревни Ворончин на реке Стоход, откуда с 14 июля продолжил наступление. Сильное сопротивление противника и уничтоженные мосты не позволили быстро форсировать Стоход. Только к 16 июля полк перешел за реку и занял деревню Юльяновку.

За время боев с мая по июль потери нижних чинов полка составили: убитых – 368, раненых – 2360 человек, 1203 – пропали без вести, контуженных – 205 человек²⁵.

После летней наступательной операции 1916 г. полк остался в том же районе, где активных наступательных боевых действий больше не велось. В полковом журнале с сентября 1916 г. все чаще стали упоминаться формальные фразы: «редкая ружейная и артиллерийская стрельба», «на участке полка спокойно»... Война опять перешла в окопную фазу.

Записи И.Д. Демченко продолжаются с 17 декабря 1916 г. К тому времени Илья Данилович стал делопроизводителем полкового и полевого судов. Описывается подготовка к отбытию в очередной отпуск. Все переезды с фронта домой и обратно досконально фиксируются: постоянные неудобства в вагонах, сбитые расписания поездов, общение с попутчиками. Так, описывается попытка сесть на поезд, в котором нижним чинам не положено было ехать: «Вот подошел поезд. Я и фельдфебель выскочили на площадку. Вагоны заперты. Всех солдат, которые хотели сесть с перронов, конечно, прогнали, но мы уцелели. Поезд, простояв минут 10, начал переходить на другую сторону вокзала, и уже оттуда будет путь на Ровно. Через 5 минут мы очутились на другой стороне, но тут явились “архангелы”²⁶, и я с фельдфебелем подверглись изгнанию»²⁷.

В своих дневниках автор затрагивает и маленькие повседневные радости на фронте. 15 января 1917 г. Демченко с сослуживцем отправились в Рожище, в продовольственную лавку Всероссийского земского Союза, и там закупили для браги 3 фунта сахара и полфунта дрожжей. Самое интересное, что приготовили ее не из-за нужды в алкоголе, так как была возможность купить вино в полковой лавке: «Был в нашей лавке полковой с товарищем Чередниченко. Купили табак, папирос. Захватили 5 бутылок вина. После обеда выпили вино и смеемся, что будет с бражкой»²⁸.

Заканчивается дневник 20 февраля 1917 г. рассказом о поездке в командировку за канцелярскими товарами в Одессу. Видимо, могло быть и продолжение дневника, но так же, как и записи за май – декабрь 1916 г., записи времен Февральской революции автором изъяты. Приходится надеяться, что они сохранились у потомков Ильи Даниловича.

Проведя анализ документов отдельно взятого полка русской армии в период Первой мировой войны, можно говорить о взаимосвязи и взаимодополняемости личных и официальных повествовательных источников. Через журналы боевых действий в полной мере прослеживаются места расположения воинского формирования, учебные, полевые и боевые мероприятия. В особых случаях можно встретить цитирование приказов. Практически полностью приводятся списки военнослужащих, приставленных к наградам. Хронология боевых действий полка с точностью до часа-получаса фиксируются на страницах журналов. Также следует учитывать такой пласт документов, как военные приказы, которые часто содержат в себе статистическую информацию. В то же время персональный дневник показывает личное отношение свидетеля данных событий к происходящему. Автор дневника

упоминает незначительные для официальных источников, но важные для понимания того периода бытовых сторон фронтовой жизни и общих настроений в рядах армии детали.

Примечания

- ¹ ОПИ ГИМ. Ф. 424.
- ² Там же. Ед. хр. 222–224.
- ³ РГВИА. Ф. 3039. Оп. 1. Д. 4. Л. 1об.
- ⁴ Там же. Д. 17. Л. 65.
- ⁵ Там же. Д. 5.
- ⁶ Российский государственный военно-исторический архив: История в документах: 1797–2007 / Отв. ред. И.О. Гаркуша. М.: РОССПЭН, 2011. С. 99.
- ⁷ РГВИА. Ф. 3039. Оп. 1. Д. 4, 5, 48–52, 139, 140.
- ⁸ Там же. Д. 18. Л. 5об.
- ⁹ Там же. Л. 2–2об.
- ¹⁰ Там же. Л. 21–22.
- ¹¹ Там же. Л. 28.
- ¹² Там же. Л. 45об.
- ¹³ Там же. Л. 66 об.
- ¹⁴ Там же. Л. 45об–46.
- ¹⁵ Там же. Л. 81об, 83
- ¹⁶ Там же. Л. 113об, 115
- ¹⁷ Там же. Л. 119об.
- ¹⁸ Там же. Л. 121.
- ¹⁹ Там же. Л. 158.
- ²⁰ Там же. Л. 172 об.
- ²¹ Там же. Л. 249об–250.
- ²² Там же. Ед. хр. 222. Л. 46.
- ²³ Там же. Л. 49 об.
- ²⁴ Там же. Л. 50.
- ²⁵ РГВИА. Ф. 3039. Д. 113. Л. 126–143об.; Д. 114. Л. 17–21, 53–56об.; Д. 115. Л. 77–83, 85–89, 91–91об.
- ²⁶ Шутливое обозначение жандармов.
- ²⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 424 Ед. хр. 224. Л. 307об, 307
- ²⁸ Там же. Л. 313–316об.